
А. М. ОРЕХОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: СОСТОИТСЯ ЛИ ЕЕ «ОПРАВДАНИЕ»?

Как и любая другая наука, социальная философия в своем развитии сталкивается с целым рядом сложных методологических проблем, часть из которых можно рассматривать как вызовы социальной философии.

Социально-философский вызов – это определенная исследовательская или методологическая проблема, имеющая первостепенное значение для развития философской науки об обществе, на которую последняя принуждена давать какие-либо ответы, предлагать те или иные решения.

Собственно социально-философские вызовы следует отличать от интерпретации социальной философией каких-либо мировых и глобальных проблем: глобализации, насилия, терроризма, потери идентичности, религиозного фундаментализма, феминизации и т. п. Очевидно, что такие проблемы являются вызовом всему мировому сообществу и всему человечеству, а не только одной философии и тем более лишь одному из ее разделов – социальной философии. Когда речь заходит о вызове, всегда предполагается, что есть конкретный объект или субъект, против которого направлен вызов. Вышеперечисленные мировые и глобальные проблемы никак не могут иметь своим объектом одну социальную философию или – в качестве субъекта – исключительно социальных философов.

Проблему вызова следует рассматривать сквозь призму знаменитого закона, сформулированного А. Тойнби: каждая цивилизация на протяжении своей истории попадает в определенные кризисные ситуации, которые она должна соответствующим образом решить. Или, как утверждал сам А. Тойнби: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зре-

ния усложнения структуры состояния. Отсутствие вызова означает отсутствие стимулов к росту и развитию»¹.

Вызов, который не принимают, превращается в угрозу; угроза приводит к кризису.

Действительно, отличие вызова от иных проблем, стоящих перед социальной философией, заключается в том, что если социальная философия не будет отвечать на собственные социально-философские вызовы, то ей грозит фундаментальный предметный и методологический кризис, вследствие которого она может вообще перестать быть социальной философией.

Что же в таком случае можно считать фундаментальной угрозой социальной философии в современную эпоху ее существования?

Всего мы обозначили четыре таких угрозы:

1) редукционизм в его разнообразных формах, и в первую очередь – культурологизм, а также психологизм и социологизм как две наиболее опасные формы редукционизма;

2) догматизм и традиционализм;

3) релятивизм в форме скептицизма и особенно его постмодернистский вариант;

4) антисциентизм и иррационализм в своих различных версиях, в том числе в отношении проблемы обоснования социально-философской истины.

Задача социальной философии – успешно отразить все эти четыре угрозы-вызова и тем самым доказать свое право на существование как научной дисциплины в рамках философии в целом; но задача эта, как будет видно из нижеизложенного, весьма трудна, а ее выполнение чревато множеством «подводных камней» и «мелей».

Первый вызов социальной философии – это вызов редукционизма; он существует с давних времен – примерно столько, сколько существует сама социальная философия.

Редукционизм (в методологии) – это сведение принципов и законов какой-либо одной научной дисциплины к принципам и законам другой научной дисциплины, упрощающее и вульгаризирующее первую из этих дисциплин.

Для социальной философии это значит следующее: она редукционируется в том случае, когда ее социально-философские зако-

---

¹ Тойнби, А. Постигание истории. – М., 1996. – С. 99.

ны, принципы и категории низводятся к законам, принципам и категориям какой-либо частной науки (частнонаучный редукционизм) или группы этих наук (общенаучный редукционизм).

В истории социально-философской мысли мы имеем дело в основном с различными видами частнонаучного редукционизма: механицизмом, физикализмом, органицизмом, экономизмом, функционализмом, культурологизмом, психологизмом, социологизмом. Четыре последних наиболее актуальны для современной социальной философии.

Функционализм как форма редукционизма означает сведение социальной философии к неким структурно-функциональным моделям, где каждый элемент социально-философского знания объясняется посредством структуры и функций; естественно, что сама специфика социально-философского знания при этом полностью элиминируется. На функционализме основывали свои концепции П. Сорокин и (особенно) Т. Парсонс, – их как профессиональных социологов, правда, трудно считать полноценными «социальными философами», но сторонниками социологизма (то есть концепции, растворяющей социальную философию в социологии) они были безусловно; функционализм здесь играл роль своеобразного дополнительного аргумента в пользу социологизма. Сейчас, к счастью для всех социальных философов, функционализм как форма редукционизма уже выходит из моды, – но вот опасность социологизма для социальной философии по-прежнему велика (см. ниже).

Культурологизм – это попытка низвести социальную философию до уровня социальной культурологии, «растворить» социально-философское в социально-культурологическом, а роль транзитного пункта здесь традиционно играет категория «социокультурная реальность». Ключевую роль в формировании культурологического редукционизма играют коммуникативные теории общества, постструктурализм и постмодернизм.

Наиболее значимая идея культурологизма – это редукция общества к культуре, попытка доказать, что человек и общество есть «элементы», «модусы» культуры. В реальности ситуация полностью противоположная: культура представляет собой не содержание социального, а лишь надбиологическую форму его выражения. Если приравнять культуру к обществу, то в социальном ничего не

остаётся, кроме знаков, символов и смыслов, выражающих культуру. А как же экономика, политика, право – это все сферы культуры, а не сферы общества? Из-за того, что социальное «культурно оформлено», вовсе не значит, что содержание общества сводится к содержанию культуры: первое, очевидно, и шире, и глубже, и полнее, и включает в себя множество компонентов, которые не являются компонентами собственно культуры. Например, «хозяйство», «цена», «стоимость», «власть», «собственность» и т. п. – это все компоненты именно социального, и лишь в какую-то третью очередь – культурного.

Противостояние культурологизму как одной из форм редукционизма является наиважнейшей задачей современной социально-философской методологии: последняя должна постоянно подчеркивать специфичность, особенность социально-философского знания и несводимость его к «модусам культурного бытия человека».

Психологизм в социальной философии – это низведение социальной философии до уровня социальной психологии, растворение социально-философского в социально-психологическом, представление социально-философских явлений и процессов как социально-психических.

Дань психологизму отдали многие выдающиеся исследователи, которые так или иначе пытались разработать и собственные социально-философские доктрины: Г. Тард, Дж. С. Милль, Н. И. Кареев, П. Сорокин и др.

П. Сорокин, к примеру, давал следующее определение социального явления: «Социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы»².

Отсюда вытекает главный тезис психологизма: «социальное есть психическое», «все социальные явления должны быть рассмотрены как феномены общественного или индивидуального сознания».

Но одновременно с имевшей место в XIX в. мощной атакой психологизма на социальную философию в последней всегда су-

---

² Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 39.

ществовало не менее сильное антипсихологическое течение, выступавшее против сведения социальной философии к социальной и общей психологии. Одним из первых социальных мыслителей, решительно отвергнувших психологизм в описании социальных процессов, был Карл Маркс: его социально-философская теория не содержит и тени «объяснения через психическое», и это одна из причин того, что она оказалась глубже и оригинальнее всех современных ему социальных теорий: «Глубокое сомнение в психологизме – это, пожалуй, величайшее достижение Маркса как социолога. Это его достижение открыло дорогу более глубокой концепции особого царства социологических законов и социологии, которая, по крайней мере, частично является автономной наукой»³.

В чем состоит главная опасность психологизма для социальной философии?

Во-первых, то, что лежит на поверхности: это опасность растворения предметного поля социальной философии в социальной психологии, сведения деятельности людей в обществе к исключительно ментальным характеристикам этой деятельности.

Во-вторых, психологизм представляет угрозу для выполнения социальной философией ее культурогенетической функции – функции, которая состоит в создании, формулировании, разработке образцов и норм, составляющих духовные или материальные ценности данного конкретного общества. Именно социальная философия придает определенную глубину процессу этой разработки, в то время как психология – общая или социальная – занимается в гораздо большей степени внешней, «феноменальной» стороной этого процесса. Например, обсуждая проблему роли личности в истории, социальная философия не должна сводить данную проблему к психическим особенностям данной личности и ее социальной среды (как это в большинстве случаев пытается сделать социальная психология); она должна видеть и иные источники, детерминирующие поведение данной личности: социологические, экономические, культурные. Только тогда анализ поведения данной личности будет подлинно научным.

Но в целом следует отметить, что психологический редукционизм для социальной философии – во многом дело уже прошлое,

---

³ Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 105.

и ныне, в современную эпоху, он больше касается не самой социальной философии, а скорее проблем ее прикладного использования: именно в таких случаях социально-философское знание периодически трансформируется в социально-психологическое знание.

Социологизм – это концепция замены или, даже лучше сказать, подмены социальной философии социологией как наукой, якобы лучше эмпирически ориентированной и способной дать более точную и доказанную картину социальной реальности.

Идея о замене социальной философии на социологию есть своего рода «*idée fixe*» – навязчивая мания всех социологов начиная с Огюста Конта и Эмиля Дюркгейма. Главное обвинение в адрес социальной философии заключалось (и заключается до сего дня) в том, что она давно перестала быть наукой, а превратилась в разновидность «социальной теологии» или «социальной метафизики». Цитируем, например, известного французского социолога и антрополога М. Мосса: «Все метафизические традиции, делающие из человека существо особого рода, вне природы, и усматривающие в его действиях факты, абсолютно отличающиеся от фактов природы, сопротивляются прогрессу социологического мышления. Но социолог не обязан обосновывать свои исследования философскими аргументами. <...> И если к тому же научное исследование обществ требует другой концепции человеческой природы, то философия должна следовать за наукой, по мере того, как последняя достигает каких-то результатов. <...> Я даже скажу, что развитая антропология могла бы заменить философию, поскольку она содержит в себе именно ту историю человеческого духа, которую предполагает философия»⁴.

Но не случайно мы обозначали социологизм как позитивистскую атаку на социальную философию. Социальная философия сама по себе глубже и насыщеннее всякого позитивизма, она вовсе не обязана быть наукой в духе физики или математики. Она есть метафизика по сути своей, и в этом ее недостаток перед социологией, но одновременно есть и преимущество перед последней.

---

⁴ Цит. по: Каради, В. Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. – М., 2005. – С. 230.

Недостаток, естественно, заключается в том, что социальная философия – наука, скажем так, не эмпирическая, ее выводы не связаны строго с экспериментом и наблюдением; но из этого вовсе не следует, что эти выводы каждый раз оказываются ложными. Наоборот, эмпиризм как слепая вера в эмпирическую истину (чаще всего выраженную в математической или статистической форме), столь присущий социологии и другим позитивистски ориентированным социальным наукам, абсолютно чужд социальной философии. В связи с этим куда важнее указать здесь на преимущества социальной философии перед социологией: социальная философия есть свободный дискурс о социальном, не заикленный на каких-то конкретных эмпирических данных и не связанный с необходимостью «встраивать» свои результаты в схемы строгих математических и эмпирических рассуждений. В этом смысле социальная философия – это «метафизическая кошка, которая гуляет сама по себе», а социология подобна «псу, сидящему на цепи строгого эмпиризма». Так что «*idée fixe*» социологов о замене социальной философии социологией не имеет под собой никаких оснований, ибо, как известно, кошку собакой никогда не заменишь: последняя и мяукать не будет, и мышей ловить не станет, а будет лишь уныло грызть косточку эмпирических данных, которую кинут ей сами социологи...

Второй фундаментальный вызов современной философии – это вызов традиционализма и догматизма.

Суть его – в интерпретации российской цивилизации и российской духовности как наивысшего достижения всей мировой цивилизации, причем независимо от того, что имеется перед нами – позитив или негатив.

Проблематика «русской идеи» – с этим вполне можно согласиться – должна быть одной из ключевых проблематик для российского социального философа или философа истории. Если уж ни один из великих русских философов конца XIX – начала XX в. не прошел мимо нее, то почему мимо нее должны проходить современные русские мыслители?

Вопрос лишь в том, что наша, российская, национальная гордость не должна заслонять от нас черных бездн нашей истории –

тех периодов, когда наш народ и государство рождали «грядущих хамов» или тоталитарные деспотические режимы с полным попранием всяких прав личности. Российский социальный философ должен быть объективным в отношении российской истории и видеть как взлеты, так и падения российского народа. Одна из его функций – как философа – функция критическая: он должен «критиковать» российскую историю с позиций некоего высшего Блага, того самого, что еще не достигнуто российской нацией⁵. Однако превращать научный анализ «русской идеи» в торжественную оду всему российскому и русскому – это значит поддаваться искушению догматизма и традиционализма. К сожалению, такое сейчас можно нередко встретить среди российских ученых и философов. В большинстве случаев такая позиция вытекает из так называемого «цивилизационного подхода» в истории, основанного на критике «Запада» и апологии «Востока»: «Составной частью “цивилизационного подхода” в подобном исполнении всегда было охаивание “Запада”. Еще в период разделения церковью “они там” погрязли в папизме и дьявольщине. Потом они погрязли в материализме, вещизме, в то время как “мы” сохранили высокую духовность. Бесчисленное количество раз “они” заходили в тупики, что мы с удовольствием фиксировали (с их же слов), а потом выходили из тупиков, о чем, правда, мы не сообщали»⁶.

«Россия – это всегда наилучшее», – утверждают подобные «исследователи», а социальная философия в ее наихудшем варианте механически переносит подобные беспочвенные, антинаучные заявления в свое исследовательское поле. Если «Россия – это наилучшее», то тогда и с точки зрения социальной философии у нас

---

⁵ «Они [впавшие в догматизм и традиционализм социальные философы] проявляют неспособность к самокритике и впадают в истерику, когда критику России приходится выслушивать. Всякий намек на осуждение русского государства (за завоевательную политику и угнетение своих подданных) и русского народа (за пассивность, готовность подчиняться и пьянство – хотя бы) тут же объявляется “очернительством”, или еще того хуже – предательством и капитулянтством. Такие защитники национального достоинства вынуждены деспотизм называть “государственностью”, стремление сбиться в кучку, чтобы хоть как-то защитить себя от власти, – “общинностью” и “соборностью”, крепостные отношения – “патриархальностью”, территориальные захваты – “продвижением”» (Алаев, Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2. – С.110).

⁶ Там же. – С. 109.

все «наилучшее»: наилучшая цивилизация, наилучшая духовность, наилучшая история, наилучшие правители, наилучшая социальная структура, наилучшие революции, наилучшие тирании, наилучшие социальные идеалы, наилучшая форма собственности и т. д. и т. п. (И, естественно, к этому прибавляются наилучшая социальная философия и наилучшие социальные философы... Всегда бы так!)

Можно привести образчик подобных заявлений: «В XXI веке, отвечая на вызовы глобализации, России предстоит выступить в роли третьего Рима, держателя и защитника духа, возрождающего цивилизационные начала бытия. В итоге в новом веке Россия неизбежно предстает как носитель убедительной духовной альтернативы... Россия представляет собой ареал, рождающий импульс новой, постэкономической исторической формации»⁷.

Одна из задач российской социальной философии очевидна: это активное противодействие подобным тенденциям. «Россия» как навязчивая мания и «русская идея» (обычно в ее консервативно-религиозном истолковании) не должны туманить сознание социальному философу и закрывать шорами его глаза. Умение быть критичным в отношении собственной страны и ее истории – это прямая обязанность национальной социальной философии, и российская социальная философия не может быть здесь исключением.

Третий фундаментальный вызов современной социальной философии – это вызов постмодернизма и релятивизма.

Постмодернизм ныне является одним из самых популярных социально-философских направлений; даже можно сказать, что быть постмодернистом сейчас в социальной философии модно и со стороны эффектно. Но скрывают ли эти «модность» и «эффектность» за собой настоящую философскую глубину и культуру?

Бесспорно, постмодернизм как особое видение социального мира содержит много интересного и необычного, демонстрируя совершенно неожиданные перспективы в рассмотрении этого мира. Как одно из социально-философских течений современности постмодернизм имеет полное право на существование. Но в данном случае мы говорим о другом: о попытках растворить социальную

---

⁷ Леонова, О. Г. Вызовы глобализации и актуальные тренды общественного сознания в России // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 15.

философию в постмодернизме, сделать из социальной философии некую версию социальной философии постмодернизма. И эта угроза весьма существенна в методологическом плане, ее нельзя игнорировать и ею нельзя пренебрегать.

Например, некоторыми социальными философами утверждается, что именно постмодернизм и его главный метод – деконструкция – должны сыграть ключевую роль в прощании социальной философии со своим классическим прошлым: «Примером богатого интеллектуального прощания с прошлым может служить само материнское лоно деконструкции – постмодернизм. Его критика духовных основ эпохи модерна не имеет ничего общего со “зряшным” отрицанием, – напротив, она на редкость продуктивна и эвристична, постоянно прибавляет в содержании и дифференцирующей структурализации, достаточными по своим меркам для встраивания в целую историческую эпоху. Постмодерн как раз и есть такая эпоха. Как долго она будет продолжаться и чем конкретно закончится, – никто не знает. Впрочем, Кассандрами от науки постмодерн уже давно похоронен»⁸.

Но социальной философии вовсе не нужно интеллектуальное прощание со своим классическим прошлым! Наоборот, это прошлое нужно сохранять и умножать, и если социальные философы-постмодернисты желают с ним попрощаться, то это их глубоко личное дело...

Первым пунктом нашей аргументации «против постмодернизма» будет как раз то, что постмодернистская парадигма пока получила свое признание скорее в науках гуманитарного склада, чем в социальных науках⁹. Постмодернизм – это куда более парадигма гуманитарного мышления и куда менее – парадигма социального

---

⁸ Гречко, П. К. История и современность: перспектива деконструктивистского прощания с прошлым // Вестник РУДН. – Серия «Философия». – 2009. – № 1. – С. 44. Заметим также, что само высказывание автора о «Кассандрах от науки» получилось *лексически двусмысленным*. Дело в том, что в древнегреческой мифологии троянская принцесса Кассандра, дочь царя Приама, давала как раз *верные предсказания и прорицания*, но отвергнутый ею бог Аполлон сделал так, чтобы никто этим предсказаниям не верил. Например, Кассандра советовала троянцам уничтожить знаменитого троянского коня, а не втаскивать его как ахейскую реликвию в город. Но троянцы ее не послушались, и вот результат: *Троя пала*.

⁹ Различение между *гуманитарными* и *социальными науками*, плохо выраженное в русском языке, достаточно конкретно просматривается в английском: гуманитарные науки – это *arts*, социальные – *social sciences*.

мышления. И толчок ему, как известно, дала сфера искусства (в первую очередь это архитектура и живопись): «Именно в духовной культуре начала складываться модель постмодернистской реальности, которая наиболее рельефно показала себя в искусстве, где расшатывались модернистские догмы и выворачивались наизнанку стереотипы модернистско-авангардистской логики»¹⁰.

Конечно, разделение гуманитарного и социального знания весьма условно. Все гуманитарное знание в той или иной степени социально, а все социальное знание в той или иной степени гуманитарно. Но целый ряд областей социального знания (прежде всего экономического, политологического, правового) очень трудно охарактеризовать как гуманитарные; здесь нет того ценностно-нормативного угла зрения, под которым гуманитарные науки традиционно рассматривают социальную действительность. Элемент субъективного, личностного в гуманитарном знании, очевидно, выше, чем в социальном; последнее значительно больше устремлено к объективности и нейтральности, субъективное в нем уже практически не выражено. Вот почему и постмодернизм с его устремлением к синкретичности, аморфности, плюрализму, иррациональности совершенно не соответствует попыткам современных социальных ученых сделать экономическое, социологическое, политологическое и иное социальное знание более полным и более точным. Не следует также забывать, что методологической основой современного западного мышления по-прежнему остается позитивизм, а в позитивистские нормы рациональности «постмодернистские уклоны» не впишутся ни с одной стороны.

Следующий наш тезис против постмодернизма основывается на том, что последний есть уже далеко не первый «постмодернизм» в истории западного мышления и западной культуры. Периодически в разные эпохи эволюции науки и философии на первый план уже выдвигалось скептическое отношение к существующим и предшествующим школам и направлениям и тесно связанное с этим требование «плюрализма истин» в общественном знании. Классическим примером в философии может служить античный скептицизм (школа Пиррона Элидского, III–II вв. до н. э.).

---

¹⁰ Зыбайлов, Л. К., Шапинский, В. А. Постмодернизм. – М., 1993. – С. 4.

Античные скептики, как известно, «отрицали» как всю предшествующую, так и всю современную им философию, утверждали, что о каждой вещи можно говорить что угодно и все это будет верным (здесь они следовали во многом традиции греческой софистики с ее релятивизмом), предлагали быть терпимыми к противоположным точкам зрения, полагая, что каждая из них по-своему может быть правильной, и т. д. и т. п.

«Постмодернизм» эпохи античности в конце концов сменился «взрывом» мистических и эзотерических учений в начале нашей эры, когда ему на смену пришел неоплатонизм, а чуть позже и христианская теологическая философия. Не повторится ли подобное и на этот раз? Кроме того, надо помнить, что философия постмодернизма отразила в себе, как в зеркале, общее разочарование в науке и рационалистической философии XX в. – разочарование, особенно затронувшее среднего, обычного европейца и поднятое на щит европейской интеллигенцией. Но – и это мы хотим подчеркнуть – не всей интеллигенцией, а в первую очередь гуманитарной.

Большинство как западных, так и российских философов остались совершенно глухи к этому новому течению, и по-прежнему в основе их мировоззрения лежит сциентизм и рационализм. Или можно даже сказать точнее: постмодернизм и прочий экзотический духовный поиск оказывает влияние на ум интеллектуала лишь во время его досуга; в то же время на своем рабочем месте интеллектуал всегда действует как твердый рационалист и сциентист. Кстати, западная цивилизация потому и остается самой мощной технологической цивилизацией в мире, поскольку строго придерживается норм рациональности, разработанных еще в XVII–XVIII вв. европейской философией в лице Ф. Бэкона, Дж. Локка, Т. Гоббса, Р. Декарта и других великих философов Нового времени.

В оценке влияния постмодернизма на современную социальную философию можно в значительной степени согласиться со следующим высказыванием И. А. Гобозова: «Постмодернистская философия фактически уничтожает философию. Постмодернисты лишают ее мировоззренческих, гносеологических и прогностических функций. Они сводят ее к бесконечному дискурсу, словесным упражнениям и пустым разговорам. Постмодернизм в философии

не дает новых знаний. Он может непрерывно воспроизводить одни и те же дискурсы. Он не ставит проблем, без чего вообще немислима никакая наука, никакая философия»¹¹.

Действительно, если постмодернизм претендует на интеллектуальное лидерство в современной социальной философии, это как-то должно оправдать данные претензии конкретными результатами. Но проблема заключается в том, что результатов пока нет, а есть лишь беспепелляционная уверенность в собственной правоте и утверждение, что все иные направления в социальной философии сильно отстали от постмодернизма. Однако, скорее всего, ситуация полностью противоположная: философам-постмодернистам еще надо дорасти до тех достижений, что есть, например, в классической социальной философии XVII–XIX вв.

Четвертый фундаментальный вызов современной социальной философии – это вызов антисциентизма и иррационализма.

Новая вспышка интереса к этим двум последним течениям возникла в последней трети XX в., и причин этому множество: технологические катастрофы как результат «проколов» науки и техники эпохи модерна, мода на «новые религии» и эзотерические секты, психологическая усталость и разочарование в науке как в институте, неспособном ежеминутно удивлять и развлекать массовую аудиторию. Наука уже давно воспринимается как повседневность бытия, лишь отчасти расцветивающая его «серость» и «монотонность». Науке выдвигается обвинение в том, что она провоцирует техногенные риски, толкает вперед гонку вооружений, «разогревает» экологический кризис и в целом оказывает все более негативное воздействие на все сферы общества.

На почве таких странных и безосновательных обвинений в конце XX – начале XXI в. поднялась новая волна антисциентизма и иррационализма в социально-гуманитарных дисциплинах (постмодернизм здесь лишь одно из многочисленных явлений наряду с психоанализом, шизоанализом, феноменологией и т. п.). Философия также не стала исключением. Из нее изымается всякая научность, рациональность, доказательность, объективность, любые ло-

---

¹¹ Гобозов, И. А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу. – М., 2005. – С. 182.

гически продуманные и взвешенные аргументы перестают рассматриваться как философские аргументы, доказательность приравнивается к бездоказательности, а любая попытка философии следовать нормам науки объявляется бесполезной и не имеющей никакого смысла.

Пока что этот вызов затронул социальную философию лишь краем: в основном атака здесь идет на эмпирический базис социальной философии. Вместо эмпирии и фактических данных как первого уровня социальной философии предлагаются чаще всего «коммуникация» и «интерсубъективность».

Вот как описывает данную ситуацию А. Н. Павленко: «Так в европейской традиции возникает направление, которое манифестирует интерсубъективную программу обоснования человеческого мышления в целом, и научно-философского, в частности. Необходимо признать, что это направление оказалось весьма распространенным, а в числе его последователей мы встречаем такие известные уже в наше время имена, как К.-О. Апель и Ю. Хабермас.

Со временем, интерсубъективизм, оставаясь философской сердцевиной этого направления, приобрел более понятную широкому философскому кругу форму – коммуникацию. Коммуникативная стратегия, граничащая подчас с публицистическим опрошением, по самой своей природе предрасположена к сокрытию самого существа коммуникации. Люди убеждены, что сущность коммуникации – в самом процессе коммуникации. Говоря проще, в коммуникации лучше разбирается тот, кто коммуницирует. Это убеждение, ставшее сегодня чуть ли не расхожим мифом, овладело сознанием участников коммуникации настолько, что нечто ему противоположное или просто с ним не согласное воспринимается как что-то противоестественное. Тем самым коммуникация как таковая и стоящий за ней интерсубъективизм выводятся за границы обсуждения, делая ее чем-то само собой разумеющимся»¹².

Говоря иначе, для социальной философии, как и всякой философской науки, проблема обоснования ее положений начинается с обоснования ее эмпирических утверждений. Конечно, схемы этого

---

¹² Павленко, А. Н. Является ли «коммуникативная программа» обоснования знания универсальной? // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 101.

обоснования гораздо сложнее, чем представляется, например, позитивизму или аналитической социальной философии, но все равно их пока никто не отменял. Попытка подменить классическую, эмпирическую трактовку социально-философской истины ее интерсубъективной или коммуникативной интерпретацией приводит социальную философию к «логическому кругу», в результате которого из социально-философской истины изгоняется всякое ее объективное содержание, а сама проблема истины решается аргументом от общезначимости, то есть «большинством голосов»: «Сторонники интерсубъективного обоснования всегда будут оставаться в положении барона Мюнхгаузена, который пытается вытащить самого себя из болота за свои же собственные волосы»¹³.

Социальная философия потому и остается социальной наукой, что ее аргументация так или иначе исходит от науки, даже если эта наука остается в качестве весьма глубокого и почти неощутимого фундамента всех социально-философских исследований. Это, кстати, и составляет основу «классического» подхода в социальной философии. Нельзя сказать, что иные подходы и интерпретации социальной философии не имеют права на существование: нет, конечно же, имеют, но в таком случае мы будем иметь дело скорее с социальным философствованием как «интеллектуальной игрой ума» или «игрой в бисер», вследствие чего социальная философия не сможет выполнять большинство своих функций в обществе.

Итак, будет ли «оправдана» социальная философия перед лицом всех обозначенных нами выше методологических вызовов? Их ведь, как выяснилось, более чем достаточно: культурологизм, психологизм, социологизм, традиционализм, догматизм, постмодернизм, антициентизм и т. д. и т. п.

Будем надеяться, что да. Классическое наследие современной социальной философии сформировало у нее необычайную гибкость и универсализм, а также сверхвысокую «химическую стойкость» ко всякого рода вызовам. Социальная философия начала XXI в. способна дать полноценный ответ и отпор любой ультрасовременной парадигме социально-гуманитарных наук, претендующей на

---

¹³ Павленко, А. Н. Указ. соч. – С. 112.

то, чтобы заместить собой классическое социально-философское знание и превратить его в филиал своих супермодных идей. Опора у социальной философии здесь одна – наука как система рационального, доказательного и эмпирически верифицируемого знания. Естественно, это не исключает существования в самой социальной философии течений и направлений, так или иначе не соответствующих указанному формату. Однако социальная философия в целом должна заявлять о себе как о науке, стремиться быть наукой и разделять существующие идеалы научного знания. В этом – главный путь ее «оправдания» в качестве особой философской и социально-гуманитарной дисциплины.